

ЕВГЕНИЙ СУИМЕНКО,

доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник отдела экономической социологии Института социологии НАНУ

Экономика и искусство

Abstract

The article written in a genre of sociological essays is devoted to the analysis of correlation, co-operation and functional prerogatives of two types of human attitude to the world — material-transformational (productional-economic) attitude and reflectional (artistical-aesthetic) attitude. Each of these two types of attitude is historically necessary within existence and development of human society. Both of them are considered by the author as an opposition of ‘negation’ (destruction of the natural world fragments by the acts of production and consumption) and “detainment” (spirituality, image-bearing and conceptual reflection of the world around). In a hypothetical form, the author presents an idea of undulating character of human history, in which alternately prevail both “negation” and “detainment”. Accordance to this supposition, the spiritual-reflecting attitude must be prevailing in the “post-economic society”. Its homeostatic properties will make it possible to rehabilitate and revivify the natural world and will enable it to “rest” after the exhausting race of commodity production.

О двух видах человеческого мироотношения

Кажущаяся столь необычной стыковка разнородных понятий экономики и искусства не обещает в данном случае всестороннего сравнительного анализа экономического и художественно-эстетического способов жизнедеятельности человека. Автор поставил перед собой задачу довольно узкого и одностороннего рассмотрения связки этих понятий под углом зрения соотносительности противоположных способов человеческой жизнедеятельности — материально-преобразующей и рефлектирующей. Сложность выполнения данной задачи усугубляется необходимостью предварительного определения исходных понятий этих двух видов человеческого мироотно-

шения, восходящих к предельно абстрактному философско-социологическому их толкованию. В кратком изложении суть их такова.

Экономика является той стороной отношения человека к миру, которая связана с вторжением в этот мир, его практическим изменением и преобразованием, а выражаясь гегелевским языком — с его “негацией”, разрушением в актах материального производства и завершающего его потребления. Жизнь человеческого рода осуществляется за счет смерти, уничтожения растительного и животного мира, который восстанавливается нами опять же с целью перманентного его уничтожения. По Гегелю, “чистая негация вещи” есть “ее *потребление*” [Гегель, 1959: с. 103]. Подобное мироотношение не выходит за пределы биологического существования с той лишь разницей, что те или иные виды животных *односторонне*, каждый в своей нише, негативирует материальный мир, а человек, пользующийся орудиями труда, негативирует его *многосторонним*, можно сказать *универсальным*, способом. Противовесом этому виду мироотношения, имеющему разрушительный характер, особенно в пору товарного производства, выступает иной вид — идеальное, спокойное и безвинное, рефлексирование, способное по своей сути *задерживать* проходящее мира, останавливать в идеальной форме те или иные его эстетически значимые фрагменты в их реальной текучести и изменении. Таким образом *разрушительной*, жестокой *негации* противостоит *сберегающее* мир его *задержание* (кстати, этот термин также принадлежит Гегелю, им часто пользовался и Э.Фромм). Классическим примером этих свойственных человеку видов мироотношения является строевой лес: как объект экономики, негации он *уничтожается* в строительном или химическом производстве; как объект искусства сохраняется — превращается в заповедник, своего рода “музей” для сохранения и созерцания красоты природы. Двойное отношение к внешнему миру присуще *только человеку*, и рефлексировующее мироотношение является *сугубо человеческим* свойством. Животное только негативирует мир. Человек не только негативирует, но и задерживает его. Свойство фиксирующего “задержания”, присущее понятийному мышлению, приводит к созданию *второй*, искусственной природы человека, из которой рождается культура, и прежде всего *художественное* искусство — остановленное, задержанное прекрасное либо в форме его непосредственного утверждения, либо в форме отрицания всего уродливого и мерзкого в человеческой жизни.

Двойственность человеческого мироотношения обусловлена *творческим* его характером: развитие принципиально нового — человеческого — способа освоения внешнего мира за счет *сознательного* совершенствования искусственных, экзогенных органов тела (вначале камни, скребки, дубинки, а затем — социоморфные машины) осуществляется по логически востребованной схеме — от настоящей потребности инструментального возвышения, через испытание страданий, к новой модели своего совершенствования и от нее к практически разработанному новому способу деятельности и поведения (к орудиям труда, нормам и понятиям). Если же говорить коротко, то неудовлетворенная новая потребность (страдание) человека удовлетворяется поисками и обретением реально осуществимых моделей и схем действия. Таков механизм *диалектического возвышения* человечества. Это возвышение осуществляется за счет присущего искусству *отбора* социально (гуманистически) значимых явлений общественной жизни путем их обобщения в типич-

ных художественных образах и придания этим образам значения императивных норм. В человеческой истории все время происходит эскалация этого отбора моделей и типажей, по которым в общественную жизнь постепенно внедряется новая, более развитая и возвышенная социальная реальность. Мыслители и социологи прошлого никак не могли осмыслить суть этого механизма, полагая, что прогресс во взаимодействии человечества с внешним миром приведет его в конце концов к счастливому финалу. Так, немецкий социолог конца XIX века Ф.-К.Мюллер-Лиер, автор довольно оригинальной книги “Социология страданий” полагал (очевидно, не без влияния О.Конта), что человечество через страдания движется к своему совершенству благодаря научному осмыслению своего положения в мире. По его мнению, история человечества включает четыре фазы развития: *первая* — терпение без всяких размышлений (“жалоба, бесцельные вопли и стоны”); *вторая* — иллюзия (“закливание, жертвы и молитвы, а также моральные запреты”); *третья* — смирение, квиетизм (“пассивное отречение”, “у пессимистов — отрицание жизни и отчаяние, у оптимистов — восхваление страданий”); *четвертая* — действие, активизм. В этой последней фазе, пишет далее он, “с ростом просвещения люди научатся смотреть на себя, как на солидарных союзников против страданий, так как теперь всякое горе, за исключением влияний не покоренной части природы, причиняется человеку человеком же, и основано на взаимности” [Мюллер-Лиер, 2007: с. 155]. “Человек, — утверждает Ф.-К.Мюллер-Лиер, — прежде всего бывший на положении нищего по отношению к природе, постепенно становится властелином земли. Теперь он выступает с боевым кличем и объявляет войну той гидре бедствий, перед которой он сперва стонал, которую он потом заклинал своей мольбой, жертвоприношениями, которую он, наконец, рабски перевозносил и восхвалял как какой-то слепой рок” [Мюллер-Лиер, 2007: с. 150].

Прогресс реального гуманизма, безусловно, несомненен, но он вовсе не означает достижения абсолютного благополучия людей, ибо на смену одним потребностям приходят другие и, стало быть, меняются только формы рефлектирующего мироотношения.

Социальные функции экономики и искусства

Экономика в качестве материально-преобразующего вида человеческого мироотношения необходима человеку в случаях:

- его самовывживания (производство необходимого продукта);
- его развития и совершенствования (производство прибавочного продукта);
- создания необходимого материального субстрата художественно-эстетического продукта его рефлектирующей деятельности (тиражирование этого продукта);
- обмена предмета искусства на те или иные материальные ценности (продажа предметов искусства).

“Задержание” (сохранение) в качестве рефлективного вида человеческого мироотношения имеет место в случаях:

- обнаружения давности социального (социокультурного) явления (предметы исторического прошлого, мемориальной эстетики — музейные экспонаты);

- присущести предмету редкого естественного долговременного, “вечного” свойства прекрасного (золото, бриллианты, драгоценности);
- запечатления предмета или жизненной ситуации, обладающих эстетическим совершенством или социальной самобытностью.

Противоположность этих двух видов человеческого мироотношения, таким образом, налицо. Сколь бы ни пребывали в сфере обращения товары широкого потребления, они, рано или поздно, *негативируются*: хлебобулочные изделия, в конце концов, съедаются; одежда и обувь изнашиваются; мебель отживает свой век; дома ветшают и уступают место новым и т.д. Сколь бы ни разрушало время материальную оболочку созданного гением художественного образа, он *живет века* — реставрируется, тиражируется, репродуцируется, сохраняется и сберегается в памяти человеческой как “остановленное мгновенье”.

Два вида человеческого мироотношения не только враждуют между собой, но и тесно друг с другом связаны. Более того, иной раз они норовят подменить один другого. Так, нам жаль расставаться с долго служившей нам вещью, к которой мы привыкли, — прохудившимися домашним тапочками, с надбитой чашкой или престарелым шкафом. Это в том случае, если в нас преобладает свойство “задерживающего”, эстетического мироотношения. Но немало среди нас и тех, то выбрасывает “старый хлам”, торгует антиквариатом, иконами, художественным дефицитом, радуясь тому, что получил от этой продажи изрядный куш денег. Это в том случае, если в нас преобладает свойство негативирующего, потребительского мироотношения, чувство фетишистского обладания.

В социологическом понимании экономика является процессом создания, обмена, распределения и потребления необходимых для физического существования человека вещей, предметов и услуг. В ней различимы три взаимодействующие между собой фигуры — *производитель, посредник (торговец) и потребитель*. В таком же, социологическом, понимании искусство есть создание художественных образов и их восприятие. В нем также различимы три фигуры — *художник, посредник (распространитель, устроитель, импресарио) и публика (читатель, зритель, слушатель)*. В современном, обыденном понимании искусство является специфической сферой экономики, создающей художественные произведения в качестве обычного товара. Но это далеко не так. Попадая в орбиту товарно-денежных, экономических отношений, искусство, казалось бы, действительно подчиняется этим отношениям, становится предметом купли-продажи: мы покупаем по разной цене книги и журналы, платим деньги за вход в картинные галереи, театры или концертные залы, приобретаем за баснословные цены художественные полотна, антиквариат. И тем не менее мы далеко не всегда пользуемся произведениями искусства *как произведениями искусства* — большинство его “покупателей” приобретают всего лишь предмет развлечения, *символы своего материального могущества*, закрепляя или повышая благодаря предметам искусства свой социальный статус. Большинство людей, *имея* произведения искусства, не *пользуются* ими адекватным образом — не переживают внушаемых художником чувств, не испытывают того катарсиса, который имманентен подлинно художественному восприятию в качестве вызываемого и преодолеваемого им страдания. И здесь впору остановиться на рассмотрении соотношения двух видов человеческого мироотношения.

Экономика и искусство: все та же диалектика...

Экономика как мироотношение противостоит искусству; искусство как мироотношение противостоит экономике. Но это противостояние двух начал просматривается лишь на уровне предельного абстрагирования их понятий. В обычной жизни, на обыденном уровне оно не представляется очевидным и поэтому легко создает иллюзии их совместимости и взаимодополняемости. Да и в самом деле: большинство из нас едят, пьют, отправляют свои физиологические потребности и вместе с этим ходят в кино, слушают музыку, читают книги, наслаждаются балетом, просиживают у экранов телевизора, а нередко и сами пишут стихи, влюбляются, общаются с дорогими им людьми и т.д., и т.п. Казалось бы, гармония, органичное сочетание двух видов мироотношения налицо и не порождает никаких проблем. Но есть два момента, разрушающих эту кажущуюся гармонию. Во-первых, в различных ситуациях наблюдается *доминирование*, порой довольно резкое и заметное, одного из видов человеческого мироотношения. Во-вторых, происходит далеко не всегда заметная *модификация* одного вида мироотношения под влиянием другого, господствующего в данном социуме. И в современном мире таким господствующим видом чаще всего является экономика, что обусловлено прежде всего самой витальной природой *первичных* потребностей людей. Убедительно и просто говорил об этом К.Маркс: прежде чем писать стихи, сочинять музыку, человек должен есть, пить, одеваться, иметь крышу над головой. Но как только эти настоятельные первичные потребности удовлетворены, на передний план человеческой жизнедеятельности выходят вторичные, подлинно человеческие духовные потребности.

И здесь возникает вопрос: а всегда ли? Вопрос не столь простой, и вряд ли однозначный ответ на него может оказаться верным. Дело в том, что каждый конкретный, отдельно взятый человек живет в условиях, в которых исторически заложен определенный функциональный алгоритм, определенные “правила игры”, которым он вынужден или должен подчиняться. И в то же время он представляет собой суверенное, независимое существо, логика поведения которого определяется его внутренними, природными качествами или требованиями ближайшего окружения. С одной стороны — он “типичный представитель” того или иного социума (класса, группы), с другой — уникальная и самобытная личность. Как представитель той или иной социальной группы, определенной социальной среды он строит свое поведение по меркам того образа жизни, который диктует его среда. Как самобытная личность он способен выходить за пределы предписанных ему норм или алгоритмов, идти вразрез с их требованиями. Если подобное понимание человека отнести к современным рыночным, капиталистическим отношениям, то вся сложность однозначной трактовки человеческого мироотношения будет заключаться именно в том, что для многих представителей олигархической элиты забота о своем материальном положении, даже о материальном превосходстве над своими конкурентами — давно пройденный этап, но последующий за ним этап духовного производства, приоритетной роли в их жизни духовных ценностей так и не наступает. Не наступает по той причине, что они, представители олигархического клана, банкиры и политиканствующие дельцы, пребывают в состоянии *исторической инерции движения общественного строя*, который уже исчерпал свой положительный ресурс и существует лишь потому, что однажды запущенный в движение мощный

товарно-денежный маховик не может остановиться. И люди строят свою жизнь по устоявшимся канонам капиталистического общества, полагая его вечным и незбылемым. Строят свое существование таким образом, что приспособливают к товарно-денежным отношениям эстетическую рефлексию и тем самым изувечивают ее до неузнаваемости. Осоциальное биологическое подминает под себя эту рефлексию, заставляя свободное искусство служить в корне чуждому ему “золотому тельцу”. Не будет лишним здесь отметить: никогда классическое искусство не опускалось до грубо потребительского уровня; никогда еда не была предметом поэтического обожания, а если что-либо и было писано о ней, то с большой долей иронии или сатиры; никогда физиология биологических отправлений не преступала ту грань, за которой простирается необъятная область эстетической духовности. И только “жанр” современной базарной рекламы позволяет себе переступить ее, выглядя при этом жалким и смешным в попытке придать товару эстетические свойства.

Такой исход, разумеется, печален, ибо подталкивает всякого здравомыслящего человека к выводу, что он живет в обществе сытых тварей и что *c'est la vie*, то есть необходимо смириться со сложившимся положением вещей. Более того, иное “благоразумие” нередко пытается оправдать сложившийся в обществе “массового потребления” порядок: оглянитесь вокруг, говорит оно, — полки магазинов забиты книгами самых разных жанров и направлений, к вашим услугам театры и музеи, картинные галереи и филармонии, выбирайте по своему вкусу и нраву все, что вам нравится! Хитрости подобной “демократии” спотыкаются на каждом шагу. *Во-первых*, молах потребительства настолько приковал людей к плотским вожделениям, что в храме искусства они выглядят примерно так, как евнухи в гареме: формально доступное им подлинное искусство не про них создано! Когда маховик с бешеной силой вращается вокруг животных страстей и желаний, то сколько ты ни обставляй их шедеврами глубоко человеческого искусства, ответной адекватной реакции на них не последует. Сытая или голодная тварь никогда не поменяет сникерс на фуги Баха или новеллы Цвейга, а поскольку товарно-денежные отношения приобрели в капиталистическом обществе значение функционального алгоритма, то подчиненные ему люди, большинство из них, даже входя в храм искусства, остаются во власти экономического прагматизма и животных вожделений. *Во-вторых*, демократия в капиталистическом мире есть не что иное, как порождение все тех же товарно-денежных отношений: *все* покупается, *все* продается — был бы спрос на *товар*. И в качестве такого товара выступают шедевры искусства, выполняющие роль социальных символов материального могущества, о чем уже говорилось выше. *В-третьих*, как сфера духовного производства, как род деятельности искусство продолжает свое существование и в чуждых, противостественных для него условиях абсолютной негации мира. Но во что оно при этом превращается! В жалкое подобие искусства — в какофонию моды, в опозитизированные рекламой шоколадки, в прыгающий и дергающийся скоротечный дизайн, в низведение интимности до откровенного органоэстетического секса, в кинобоевики с лужами крови, переворачиванием летящих на бешеной скорости автомобилей и дроблением стекол, в тупые и примелькавшиеся сюжеты-стереотипы с акулами-людоедами, вампирами и прочими страшилками, короче — в *бездуховность*. Посмотрите, почитайте, что и о

чем пишут наши ярко размалеванные журналы! О том, какая суперзвезда с кем переспала или с кем разошлась и с кем сошлась, о том, сколько было любовниц у знаменитого эстрадного певца. Почитайте анонсы к телефильмам: развязный тон, сальные остроты, сомнительные ocasionализмы, выдаваемые за последнее слово языковой моды и зомбирующие нашу легковерную публику. Дополняя собой мир вещей и денег, искусство перестает *возвышать* человека, очищать его душу — перестает быть искусством.

Формула на все времена: “Служенье муз не терпит суеты”. Сказано это было вопреки всем дерганьям и кривляньям суетящегося товарного мира: релятивизм этого мира проистекает из самой его природы — из необходимости придать товару ту скоротечную новизну, которая бы повысила его в глазах пресытившегося мещанина. Прислушаемся к сказанному Зигмундом Бауманом в его замечательно печальной книге “Индивидуализированное общество”: “Художники (прошлого) работали с величайшей тщательностью, желая обеспечить своим фрескам и полотнам долгую жизнь, архитекторы стремились возводить сооружения, способные простоять столетия. Теперь любимыми материалами в искусстве становятся те, что рекламируют и афишируют свою недолговечность; любимой формой визуального искусства являются “хеппенинги” и “инсталляции”, организуемые для единственного показа, на время определенной выставки и подлежащие демонтажу немедленно после закрытия галереи” [Бауман, 2005: с. 200]. Сомневаясь, далее, в ценностях ускоренного развития современного общества, он завершает эту мысль: “Если приверженность долговечным ценностям находится сегодня в кризисе, то происходит это потому, что кризис переживает и сама идея длительности и бессмертия. Но бессмертие оказывается в кризисе в силу того, что главная, повседневная вера в долговечность вещей, способных служить некими вехами в человеческой жизни, подрывается всем современным опытом” [Мюллер-Лиер: с. 201]. Весь же “современный опыт” хорошо известен. Это череда поговорок и девизов грубо-вещистского толка: “После нас хоть потоп”, “Пей, гуляй — один раз живем!”, “Здесь и сейчас”, “Бери от жизни все!”, “Умри ты сегодня, а я завтра”, “Молодежь выбирает пепси!”, “Бизнес, спорт и секс” и т.д. Современный материализуемый мир, получивший название “капитализм”, противен искусству. Он по своему духу представляет собой *антиискусство, антипод искусства*, ибо последнее тяготеет к постоянству и вечности, а товарный мир — к непрерывным изменениям и состоянию релятивизма.

И наконец, *в-четвертых*, при всей кажущейся демократичности форм и жанров искусство в условиях товарно-денежных отношений оказывается *под идеологическим прессом* существующего истеблишмента: оно стало простым развлечением (или отвлечением от забот). Приобретая характер “массового искусства”, всячески рекламируемого масс-медиа, оно забывает своими антихудожественными запахами и непристойными сюжетами подлинную образность, гуманизм, катарсическое очищение человеческих душ. Засилье детективов и порнухи так давит на нашу психику, что мы постепенно и незаметно втягиваемся в орбиту навязываемых нам суррогатов и невольно становимся соучастниками моральных преступлений. Столь доступное, столь образно и красочно впечатляющее телевидение (кино на дому!), это прекрасное творение человеческого разума и человеческих рук стало для подавляющего большинства наших современников разрушительным идео-

логическим демоном. Таким образом, не мы выбираем *искусство*, а *псевдоискусство* выбирает нас.

Несправедливо позабытый лауреат Нобелевской премии, ученый с мировым именем Альберт Швейцер в 1960 году писал: "...Мы утратили присущее нам духовное начало и нашу индивидуальность в той мере, в какой возросли материальные достижения общества" [Швейцер, 1973: с. 44]. Лучше о диалектике двух видов человеческого мироотношения в эпоху расцвета товарно-денежных отношений не скажешь.

Волнообразный характер человеческой истории

Если каждый человек волен, хотя и относительно, предпочитать то или иное мироотношение, делать свободный выбор одного из них или усреднять их в своей индивидуальной деятельности, то человечество лишено этой привилегии — история неизбежно привязывает его к определенной объективной закономерности, к сложившимся нормам и институтам и принуждает его следовать им. Можно предположить, что провиденциальность исторического процесса состоит в периодической смене доминант каждого из двух видов человеческого мироотношения, которые при этом существенно и содержательно меняются. Достигнув определенного уровня материальных благ, материальной культуры производства, человечество обретает возможность духовно-рефлектирующего, художественно-эстетического отношения к разрушаемому им природному миру, что позволяет ему, во-первых, возродить этот мир, дать ему возможность "отдохнуть" и воспроизвести себя за счет доминанты "задержания", материально пассивной рефлексии и, во-вторых, возвыситься на новую ступень превосходства над животным миром (в том числе — над животным началом в самом себе). И как только происходит это духовное возвышение, человечество через какое-то время вновь подпадает под власть "невидимой руки рынка", но уже на новом витке интеллектуальных, научных и эстетических достижений. Таким образом, общественный прогресс — если таковой существует вообще — осуществляется подобным волнообразным способом.

Волнообразность эта не столь четко и строго просматривается в непрерывном историческом процессе. При любых общественных строях создавались повествования и легенды, поэзия и проза, музыка, живопись и скульптура. И все же придирчиво-внимательный взгляд исследователей сумел выделить в истории искусства периоды возвышения и расцвета, как и периоды загнивания и упадка как содержательных, так и формальных его сторон. Разъяснить подобное положение дел помогает нам формационная теория, согласно которой, во-первых, один общественный строй сменяет другой и, во-вторых, этот последний не с неба падает, а постепенно зарождается в недрах старого и, в конце концов, приходит на смену прежнему строю, в-третьих, с победой нового строя остатки прежнего какое-то время дают о себе знать и лишь постепенно затухают, нередко модифицируясь в структуре нового.

В первом случае сквозь стохастические разбросы и колебания просвечивают два типа обществ — общества с активно развивающейся экономикой, с экспансией явно "материалистического" характера и общества с циклически повторяющимся способом хозяйствования (преимущественно аграрного), с соответствующим ему "задержанием" — рефлектирующим художественно-религиозным сознанием подавляющего большинства граждан.

Истории, по меньшей мере, известны две явно “материалистические” формации — рабовладельческий строй Древней Греции и Древнего Рима, удачно названный К.Бюхером “античным капитализмом”, и современный глобальный капитализм, суррогаты эстетического мышления представителей которого не имеют ничего общего с подлинным (гуманистическим) искусством. Если в период заката рабовладельческого строя образцом искусства стали бездарные поэмы Нерона, а духовная культура ознаменовалась лозунгом “Хлеба и зрелищ!”, то о современном развлекательном “массовом искусстве” развитого капитализма также ничего доброго не скажешь.

Во втором случае, опять же сквозь стохастические разбросы, просвечивают те зарождающиеся в недрах устоявшихся общественных строев их противоположности, которые несут в себе преобладающие в них материальные или духовные ценности. Так, феодально-общинные, крепостнические отношения, прежде чем окончательно уничтожить рабовладение, латентным образом пустили в ход духовное оружие — богоборческие драмы Эсхила, стоицизм первых монотеистов и едкую сатиру Плавта и Апулея на торгашескую скупость античных ростовщиков. Зарождающиеся в недрах феодального строя капиталистические начала заявили о себе в прагматизме первых предприимчивых людей, в позитивной философии О.Конта и развитии целого ряда прикладных наук, в известных литературных персонажах — Гобсеке (Франция), Базарове и Адуеве (Россия), других образах литературы “критического реализма”. Наконец, появление в капиталистическом обществе предпосылок социализма обозначилось заметным художественным всплеском таких всемирно известных величин, как Дж.Лондон, Т.Драйзер, Р.Роллан, Т.Манн, С.Цвейг, Максим Горький, не говоря уже об известных композиторах и живописцах.

В третьем случае остатки прежнего строя в зависимости от доминирования в нем того или иного мироотношения либо тормозят процесс становления нового, либо в превращенном виде входят в его структуру. Так, художественная стилистика, веками наработанный дворянский этикет и обычаи феодального общества продолжительное время удерживались в новом буржуазном обществе (Англия, Франция, Россия)*¹, а капиталистический способ производства и его социальные институты не только вошли в новый социалистический строй, но и сумели подорвать его социально-экономическую основу (иных примеров, кроме раннего советского социализма и стран “народной демократии”, история нам не дает).

Обратим теперь внимание на те формации, в которых доминировало материально преобразующее мироотношение — на рабовладельческий и на капиталистический строй.

Поразительны темпы их развития. Рабовладение произвело на свет товарно-денежные отношения, градостроительство, техническую инженерию, начала философии, естественных и гуманитарных знаний (с тем, что-

¹ Кто был в Эрмитаже, тот не мог не обратить внимания на то, что первые в России рабочие станки в промышленном производстве были разукрашены затейливыми виньетками, узорами, фигурками, красочным орнаментом, то есть несли на себе следы художественного обрамления. В более поздний период развития капитализма все эти “феодальные пережитки”, “архитектурные излишества” исчезли, уступив место практической целесообразности и рационализму.

бы все это было растоптано варварами и предано забвению в эпоху раннего Средневековья). Но еще более поразительны материально-технические достижения капитализма: за каких-то два века он достиг таких высот развития индустриальной цивилизации, о которых не могли мечтать люди в период феодально-крепостнического (или азиатского) способа производства, при котором “проходили века — и по существу ничего не менялось”. Не менялось потому, что “во внутреннем строе этого хозяйственного режима нет никаких импульсов к преобразованию техники” [Ленин, 1971: с. 223]. Циклический характер аграрного хозяйства, основанного на тягловой силе, силе ветра и воды, а также на примитивных орудиях тяжелого физического труда, соответствовал *постоянству* и *повторяемости* жизненного уклада и способствовал всячески рефлексивному мироотношению в сфере духовной жизни людей. Общество, однако, неизбежно пришло бы к застою и упадку, сохраняя и далее страдательность и созерцательный характер этого мироотношения. Поэтому в пору безудержного развития рыночной экономики они уступили место материально-прагматической активности людей, преобразующей силе капитализма. Пока внутри капиталистического строя сохранялись остатки общинно-крестьянского, натурального уклада и пока этот уклад трансформировался в ранние, зарождающиеся социалистические начала, экономическое и научно-техническое развитие общества терпимо соседствовало с развитием человеческой духовности и даже способствовало ему. Но как только процесс индустриализации, развитие банковского капитала, бизнес и деловая конкуренция вступают в силу, вытесняют на задворки человеческой жизни “непрактичное” искусство, экзальтированная духовность уступает место насмешливо-циничному прагматизму. Нет, искусство при этом не исчезает: частично оно становится достоянием “аристократов духа”, но большая его часть превращается в ходовой уникальный товар, в игровое соперничество и привлекательную зрелищность.

Иную картину наблюдаем мы на новом витке истории. Опыт советского социализма показал, что при всех своих недостатках этот общественный строй, даже в ранней его форме, поставил во главу угла человеческую духовность, что обнаружилось как в крупномасштабной тяге людей к образованию, так и в развитии всех видов искусства (особенно песенного) в условиях, возможно, преждевременного “производства самой формы общения”. Вот что пишет по этому поводу Леонид Грач в недавно выпущенной им книге “Еще не вечер”: “Я рос в то время, когда не принято было кичиться материальным достатком. С детства, благодаря общественной атмосфере 1950-х — 1960-х годов, хорошо понимал, что цель жизни не состоит в приобретении все новых вещей, дорогой обстановки и одежды. Но жизнь без книг, без друзей, без искреннего человеческого общения всегда мне представлялась бессмысленной. Последние пятнадцать лет нам нахраписто навязываются ценности потребительского общества. Поэтому многим молодым людям, повзрослевшим уже в условиях капиталистического общества, часто трудно правильно определить место материальных благ в жизни человека” [Грач, 2007; с. 4].

Исторический опыт развития и функционирования “материалистических” формаций говорит нам о том, что в них прослеживаются два алгоритма человеческого существования. Первый: возвысившись на новую ступень материального обеспечения и выработав новые способы ее поддержания,

человек обращается затем к социокультурным и духовным ценностям своего бытия, что соответствует его *человеческой* природе и призванию. Второй: обеспечив это возвышение, он останавливается в своем развитии, продолжает по инерции наращивать материальные блага, замыкается на их уже ненужном приумножении, превращая тем самым инструментальные ценности в терминальные. Первый алгоритм жизни человека естественно закономерен, нормален, конструктивен, второй — патологичен, разрушителен и ничтожен. Антуан де Сент-Экзюпери имел все основания сказать: “Работая только ради материальных благ, мы сами себе строим тюрьму” [Сент-Экзюпери, 1970: с. 24]. Цинизм однобокой вещистской трезвости, навязываемый в детстве Эдуарду Багрицкому его родней, осужден поэтом в его мрачных стихотворных воспоминаниях “Моя родословная”:

*Меня учили: крыша — это крыша,
Груб табурет, убит подошвой пол.
Ты должен видеть, понимать и слышать,
На мир облокотиться, как на стол...*

Деловая активность человеческого существа в суетном мире капитализма выдается за высшую его доблесть как субъекта собственной истории. Но почему же эта активность направлена только лишь на внешний по отношению к нему мир — на всеобщий эквивалент товаров, а не на человеческий внутренний мир, не на “производство самой формы общения”? Ждать вразумительного ответа на этот вопрос, думаю, не приходится, ибо выйдя из-под гуманистического контроля, современное производство направлено не на удовлетворение нормальных человеческих потребностей, а на реализацию фетишистского стремления к прибыли.

Став по существу абсолютным, материально-преобразующее мироотношение в условиях капиталистического способа хозяйствования привело общество к господству над природой. Самым разумным, чем может похвастаться капитализм, является создание технически и научно оснащенных мощных производительных сил общества. В этом его несомненная заслуга. Но, проделав гигантскую работу по созданию этих сил ценой активной и беспощадной конкуренции, ценой эксплуатации наемного труда, капитализм, с одной стороны, довел до абсурда механизм своего существования (одни “бумажные” деньги чего стоят!), а с другой — находит себе оправдание в помощи слабо развитым странам, в гуманитарных акциях в отношении различного рода потерпевших, в уступках кооперативным формам хозяйствования, во вмешательстве государства в частный бизнес, наконец, в кейнсианстве — перераспределении доходной части капитала в пользу заработной платы наемных работников с целью повышения их покупательной способности.

При всем при этом материально-преобразующее мироотношение в эпоху капитализма приносит человечеству большое зло. Состоит оно в создании сверхроскоши и расточительства в богатых семьях, в голоде и нищете неимущих среди изобилия товаров; в ненужном приумножении вещей и продуктов питания; в производстве товаров, имеющих “товарный вид” и непригодных для потребления; в перегрузке рынка нереализуемыми товарами и в их уничтожении; в генном видоизменении природного мира и угроблении экологической среды обитания; в уничтожении регионального разнообразия и уникальности товаров широкого потребления путем монополизации их производства; в нагнетании товарооборота, потребительского реля-

тивизма при помощи НИОКР и создании культа моды, наконец, в превращении человека в осоциальненное животное. Избыток негации либо притупляет волю к жизни, приводит к *пресыщению* и угасанию человеческих потребностей, либо ожесточает патологические псевдопотребности, страсть к разрушению, деструкции, в то время как рефлектирующее мироотношение по самой своей природе постоянно обращено к негэнтропии — к здоровому жизненному процессу. Физический голод — не духовный голод. Если первый может быть утолен достаточно легко (было бы только чем питаться), то второй ненасытен и беспределен. Вот почему конституированный лишь на удовлетворении плотских вожелений социальный порядок лишен импульса к саморазвитию и движению, как только происходит это удовлетворение, чего нельзя сказать о духовных потребностях. Конституированный же на удовлетворении духовных потребностей социальный миропорядок оставляет за собой импульс к развитию, ибо духовное творчество не имеет границ. Голодный человек, насытившись, успокаивается и нередко превращается в сонную тварь. Богатый человек, насытившись, изобретает извращенные способы нового насыщения. Вспоминаются документальные кадры одного из каналов телевидения: разевшаяся и круглая, как бочка, жена олигарха, обнажая силиконовые титьки, купается в голубом бассейне; затем, очевидно, по просьбе телеведущего, показывает свой язык, украшенный бриллиантами. Вот и все! Дальше двигаться некуда...

Таким образом, перед нами встает детально обозримая история феодального и капиталистического обществ. Первое дало миру непревзойденное искусство и фактически оказалось неспособным дать импульс развитию науки, техники и промышленного производства, второе, наоборот, дало миру индустрию, инженеррию, научно-технический прогресс и фактически повергло искусство в состояние духовного оскудения.

Рефлектирующее, духовное мироотношение в качестве системного явления, благодаря своей деятельностной природе, перманентно нарушает и восстанавливает то гомеостатическое состояние, которое придает ему устойчивость и длительность существования. Только в творчестве — творческом труде, научной и художественной деятельности, освободившихся от уродливых модификаций и товарного фетишизма, — достижимо подобное состояние. *Per aspera ad astra* — мудрое и вряд ли глубоко, до конца осмысленное выражение древности. Возможно, философско-социологический его смысл станет более понятным в анализе трех родов человеческого мучения.

Три рода мучения

Широко известное выражение “муки творчества” сложилось далеко не случайно, но, к сожалению, еще не обрело надлежащей интерпретации в свете современных научно-методологических достижений: оно напрямую связано с общей теорией систем, с учением о негэнтропийных процессах, с психологией творческой деятельности и т.д. Речь идет о том, что создатели идеального (“призрачного”) художественного мира, его творцы испытывают при этом троякого рода мучения — *творческое мучение, нравственное мучение и экзистенциальное мучение*.

Творческое мучение. Создатель искусства в своей повседневной деятельности постоянно сталкивается с мучительной для него проблемой “преодоления материала” (предмета своей деятельности) средствами художествен-

ного изображения. Видение, чувствование, переживание какой-либо жизненной реальности у него настолько обострено, настолько субъективно богато эстетическими ощущениями, образами, оттенками, а средства ее изображения настолько ограничены — или кажутся ему ограниченными и убогими, — что он постоянно терзается несовершенством красок, звуков, слов для адекватного воссоздания того, что он чувствует, переживает, физически испытывает. Созданное он соизмеряет с воображаемым или видимым его внутренним взглядом — и, если он действительно творец искусства, то постоянно находит в этом сравнении несовершенство созданного им образа (“Мысль, изреченная, есть ложь”), ограниченность своего мастерства, что заставляет его рвать, ломать, сжигать созданное и вновь браться за адский труд перевода внутренних чувствуемых образов во внешние, инструментально объективированные. И когда, наконец, это ему удается, от мучений он переходит в состояние величайшего восторга и удовлетворения совершенным (вспомните ликование Александра Сергеевича по написании им “Бориса Годунова”: “Ай-да Пушкин! Ай-да сукин сын!”). Но подобный экстаз случается редко. Чаще — переживание своего несовершенства.

Нравственное мучение. Художник видит в окружающем его человеческом мире то, *чего не видят и не понимают другие*, или видит людей и вещи такими, какими они есть *на самом деле* и *какими не видят их другие*. “Всевиденье пророка” Лермонтова, из-за чего все ближние в него “бросали бешено камень”; знаменитый “Пророк” Пушкина, которому свыше явился шестикрылый Серафим, давший поэту сверхслух, сверхзрение и понимание глубинной сути всех вещей мира; угрюмый Чехов, смеющийся сквозь слезы над маленькими и серыми людишками, — лишь малая часть свидетельств обостренного восприятия художником человеческой вселенной. В надиндивидуально-личностном отношении настоящий художник, как могущественная глыба, возвышается над остальными, он выше их на несколько голов, он — “не от мира сего” — и это, казалось бы, дает ему основание для честолюбия и самоупоения. Но — уввы! — подобный исход могут видеть только примитивные, глупые и завистливые люди. На самом деле не гордыня, а глубочайшее страдание выпадает на долю талантов и гениев, ибо они — *живые люди*, социальные существа, требующие адекватного их внутреннему миру отношения к себе, взаимопонимания и согласия. Они же своим природным талантом и дарованием поставлены на такую высоту, в такое положение, когда им, духовно зрячим, *приходится жить со слепыми*, на каждом шагу сталкиваться с непониманием, неадекватными самооценками ближних, рентгеноскопически просматриваемыми художниками пороками окружающих их людей — и от этого холодного, самонезрячего мира они приходят в страшное отчаяние.

*...Как я мучаюсь, о Боже,
Не желаю и врагу.
Не могу уже я больше,
Меньше — тоже не могу.
Мучит бедность и безбедность,
Мучит горе, мучит смех,
И мучительна неизвестность,
И мучителен успех.*

Так писал Евгений Евтушенко, понимая всю теневую изнанку своей славы. Вот и финал терзающих его мучений:

*...Как огромное страданье,
Мир лежит передо мной.*

Нет более одинокого и страдающего в человеческом мире существа, чем талантливый художник, или гений: ведь он страдает и в радости! Видение и понимание несовершенства мира — по внутренним нравственным меркам, — с одной стороны, заставляет его быть беспощадным критиком и разоблачителем человеческих пороков, в том числе и своих, с другой стороны, эта критичность и надличностность заставляет его сознательно (а чаще подсознательно) в поисках самоспасения конструировать то идеальное и положительное в людях, что по крупницам рассредоточено в человеческом мире и что практически невозможно собрать в единое целое.

Экзистенциальные мучения — самый сложный, самый роковой и самый непреодолимый вид мучения. В этом, собственно, ключ к пониманию сущности искусства как эстетического, как *специфически человеческого* отношения к действительности. Искусство — это вызов смерти, ее преодоление путем претворения естественного бытия в “мир оживших и живущих предметов”, быстротекущей жизни — в долговечное искусство. Не зря же древние римляне говорили: “Ars longa — vita brevis”. Придавая этой формуле выразительность и выпуклость, можно сказать по-иному: “Ars longa”, потому что “vita brevis”. Чтобы останавливать прекрасные, столь важные и ценные мгновения нашего преходящего бытия, нужно уметь *задерживать*, останавливать их красками, звуками, словами в таком образном аналоге, который бы волновал нас своей красотой и своим совершенством не менее, чем сама жизнь. Ведь реальность мира, включающая частицу нашего брэнного “Я”, собственно то, что и называется *жизнью*, текуща и скоропреходяща, с чем не может примириться наше индивидуальное и общественное самосознание, особенно если оно обострено талантом и жадной жизни, жадной самоутверждения. Противоречие между уходящей, ускользающей действительностью и увековечивающими ее художественными образами как тщетной попыткой “задержать”, остановить действительность — источник неизбежного страдания и трагизма художника, пытающегося преодолеть их своим творчеством. Чувствование многообразия мира, его уникальных деталей, переживаемое прекрасное, особенно в пору молодости, зрелости, в пору полнокровного наслаждения жизнью, уносится ветром времени, исчезает — и художник, как никто иной, чувствует эту преходящесть и брэнность мира (С.Есенин). Конечно, он пытается “остановить мгновение” с помощью знаково-символической системы, образного сохранения жизни — для себя и для других. Но поскольку никакое искусство *эмпирически* не заменит нам жизни — и художник это прекрасно сознает, — он постоянно испытывает чувство обреченности и безысходности. Из этого страдания рождается искусство и, рождаясь, стремится преодолеть самое себя, будучи неспособным сделать это. Но во всех случаях ограниченная во времени и пространстве собственная экзистенция художника заставляет его создавать силой своего таланта и душевной мощи параллельный мир — дубликат или аналог жизни, но уже в виде жизни застывшей и вечной.

Три рода мучения художников — дорога к лучшей, человеческой жизни. Искусство творят незаурядные люди, и поэтому создаваемый ими параллельный идеальный мир, если мы к нему приобщаемся, если мы не можем обходиться без поэзии, музыки, созерцания картинных галерей, становится возвышающей нас жизнью.

Духовность как состояние нарушенного равновесия

Уже рассмотренных нами трех родов мучения, испытываемого творцами художественного искусства, достаточно для того, чтобы увидеть в них необходимость восстановления нарушенного ими жизненного равновесия. Но здесь важно понять другое — глубокое различие между материально преобразующим (экономическим) и рефлектирующим (художественно-эстетическим) видами мироотношения в плане их воздействия на гомеостазис тех или иных общественных систем. Когда мы имеем дело с экономикой, гомеостазис этих систем достигается и поддерживается за счет производительного труда: потребление материальных благ, то есть восстановление человека и социума, не может обойтись без их производства, ферментом и возбудителем которого является человеческий труд. Прямое (деятельность наемных работников) или косвенное (организационная деятельность собственников) участие в общественном производстве и труде рано или поздно приводит к тому, что благодаря научно-техническому прогрессу и автоматизации производства становится возможным удовлетворять материальные потребности без особого напряжения сил — без мучения и страдания. Таким образом труд по удовлетворению этих потребностей перестает быть гомеостазирующим фактором (не в этом ли смысле некогда К.Маркс, а ныне “постэкономисты”, в частности А.Шафф, говорят об “отмирании труда”?). В сфере производства товаров вместо человека теперь все более и более “напрягаются” и “мучаются” станки, автоматы, поточные линии, тепловая или электрическая энергия.

Чем же в таком случае движима экономическая система? Если речь идет о капиталистическом обществе, то при достижении им изобилия и высокого уровня развития производительных сил роль “возмутителя спокойствия” при заданном алгоритме (товарное производство) продолжительное время играет частнособственническая конкуренция. Нужно отдать капитализму должное: благодаря этой конкуренции, поддерживая искусственными мерами экономическое неравенство людей, он тем самым создает поле социальной напряженности — источник материального развития общества. Вместе с тем, удерживая производство в рамках товарно-денежных отношений, капитализм при достижении высокой фазы развития принуждает его обслуживать односторонние (материальные) потребности людей, гипертрофируя их до чудовищных и противоестественных размеров, особенно среди имущих классов. Однако весь этот зоологизм (насыщение желудка, вещизм и секс) не способен создавать надежный и устойчивый гомеостазис системы *человеческого* общества, которому — по мере его материального насыщения — необходимы уже иные возбудители.

Единственное, что способно гомеостазировать человеческое общество, — это труд, понимаемый не как труд сталевара, токаря-станочника или комбайнера, а как деятельность, преобразующая материальный и духовный

мир человечества, как деятельность по возвышению самого человека и его преобразованию. Позволю себе привести такую цитату: “Притягательная сила труда состоит вовсе не в его “комфортабельности” или в доставляемом им удовольствии, подобном тому, которое мы испытываем при употреблении вкусной пищи или прохладительных напитков. Наслаждение трудом — это наслаждение нравственными “муками творчества”, это движение человеческих чувств через страдания к радости, и поэтому потребность в труде — это потребность в мучении, преодоление которого доставляет человеку истинно человеческую радость и счастье. Не случайно синонимом “мучения” является слово “трудность”, образованное от корня “труд”. В словаре В. Даля в значения слова “труд” входят “всякое напряжение телесных или умственных сил”, “боль”; “трудиться” означает “мучиться”” [Диалектика, 1987: с. 36]. А вот что сказал относительно “специфически человеческой потребности” французский социолог Люсьен Сэв: “Личная потребность бороться, теоретическое значение которой огромно для психологии личности, по существу, есть не что иное, как *общая конкретная сущность* всякой специфически человеческой потребности, обнаруживающейся непосредственно в форме частной потребности наряду с другими частными потребностями. Вот почему жизнь-борьба в своих здоровых формах проявляется как самовыражение, как частичное предвосхищение общего преодоления на высшей стадии бесклассового общества противоречий, раздирающих личность в классовом обществе” [Сэв, 1972: с. 448].

“Угасание труда” как напряженного и мучительного состояния, как социальной формы гомеостаза экономической системы капиталистического общества есть всего-навсего его превращение в иной труд — в *духовную* деятельность, сопряженную с преодолением мучений, но уже принципиально отличающихся от мучений в сфере материально-производительного труда. Во-первых, материально-производительный труд в его нормативном значении продиктован человеку *внешней* необходимостью, независимой от воли и желания человека, в то время как духовная деятельность — интеллектуальный, научно-творческий, художественно-творческий труд — вызвана *внутренней* потребностью активного человека в условиях “угасания” материально-производительного труда. Во-вторых, материально-производительный труд, не исчезая полностью, а лишь меняя свои формы и функции, резко сократится в объеме, увеличивая тем самым пространство для ставшей социальной необходимостью духовной деятельности людей. В-третьих, существующий во всех странах мира производительный труд имеет нормативный, жестко предустановленный характер, в то время как духовная деятельность, творческий умственный труд принципиально ненормируем и обладает большой степенью свободы и произвола. И наконец, в-четвертых, — самое главное, — если труд “по принуждению” (вынужденный труд) в благополучных для человека условиях быстро теряет свои гомеостазирующие свойства и обрекает тем самым человека или социум на депривацию и застой, то творческая духовная деятельность не теряет этих свойств в любых условиях и никогда не приводит общество к энтропийному состоянию. Последнее обстоятельство обещает “постэкономическому” обществу долговечность. Это все, что можно сказать о его будущем, ибо пророчества относительно деталей в таких случаях ненадежны и утопичны.

Почему же все-таки духовная, рефлектирующая деятельность в системе социума обладает гораздо большим гомеостатическим потенциалом, нежели материально-производительная деятельность? По той простой причине, что *предметом этой деятельности является сам ее субъект, то есть человек*. В “Экономическо-философских рукописях 1844 года” К.Маркс очень точно подметил: “Страдание, понимаемое в человеческом смысле, есть самопотребление человека” [Маркс, 1974: с. 120]. Да, в страдании человек действительно *потребляет себя* — свое здоровье, свои физические силы, свои нервы и психику, свои моральные устои, что требует от него *всегда*, во всех случаях жизни не только лишь физического, не только лишь умственного, но *полного самовосстановления*. Когда речь идет о творческом (художественно-изыскательном, научно-изыскательном) страдании, то человек стремится к тому, чтобы, добившись в конечном счете поставленной цели, переживать свою значимость, свою силу, свои предугаданные возможности. Человек, лишенный этого страдания, не способен *потреблять себя* — он способен потреблять только вещи. В этом вся суть. Рюноске Акутагава писал: “Чтобы сделать жизнь счастливой, надо из-за повседневных мелочей страдать. Блеск облаков, шелест бамбука, чириканье воробьев, лица прохожих — во всех повседневных мелочах надо чувствовать муки попавшего в ад” [Акутагава, 1974: с. 520]. Вряд ли классик мировой литературы осмыслил до конца суть художественного страдания. А она — в механизме *задержания* нашей быстротекущей жизни. Духовные страдания делают нашу жизнь более долговечной, не только в субъективном ее восприятии, но и в действительности. Действительностью же в данном случае является уменьшение масштабов вторжения человека в природный мир за счет усиления его рефлексирования, что означает прежде всего сохранение и реабилитацию уже полуразрушенной окружающей природной среды, замедление ее преобразования, ресурсосбережение, избавление человечества от изматывающего бега и приближения его к смертельному исходу. Поэтому никак нельзя согласиться с позицией автора довольно оригинальной и содержательной книги “Порядок и хаос в развитии социальных систем” В.В.Васильковой, которая утверждает, что “этапы планетарной эволюции по мере нарастания своей сложности характеризуются тенденцией уменьшения срока жизни рожденных форм и организмов и за счет этого ускорением темпов эволюции каждой последующей формы жизни” [Василькова, 1999: с. 257]. “Ведь чем выше способность перерабатывать внешнюю энергию, локально снижать энтропию, — утверждает далее она, — тем короче жизни явления. Этим, в частности, объясняется процесс общего ускорения исторического развития человечества. Немного забегаая вперед, скажем, что за глобальный переход от гомеостатического патриархального общества к динамичному рыночному и информационному обмену урбанистической цивилизации мы расплачиваемся сменой (но и убыстряющимся рождением тоже!) различных социальных форм и структур” [Василькова, 1999: с. 257].

Хотелось бы поспорить с автором всего сказанного, в первую очередь, по поводу “тенденции уменьшения срока жизни рожденных форм и организмов”. Что касается “организмов”, спорить не буду, поскольку это естественнонаучное (или философское) понятие требует уточнения. Что же касается социальных “рожденных форм”, то здесь да будет мне позволено усомниться в правоте автора-синергетика: на любой из новых “рожденных форм” ле-

жит печать человеческой субъективности, рефлексии, которую *в качестве движущего фактора* никак нельзя изымать из процесса “исторического развития человечества”. К сожалению, этот важнейший фактор человеческой истории, *специфика* его роли в ней остались за пределами проведенного В.В.Васильковой анализа. Это — во-первых, из чего вытекает и во-вторых. Так вот, во-вторых, позволю себе усомниться в истинности положения об “общем ускорении исторического развития человечества”. Рабство просуществовало тысячелетия, и за период его существования была создана высокая материальная и духовная культура, не идущая ни в какое сравнение с последовавшим за ним ранним феодальным средневековьем, с эпохой дикости и варварства, когда различными народами и племенными объединениями правили неграмотные короли, а окружающая их свита не могла ни читать, ни писать. Развивалось это общество родоплеменных отношений и крепостничества крайне медленными темпами и крайне долго. Лишь пришедший на смену феодальному обществу капитализм продемонстрировал высокие темпы развития человечества, настолько *высокие*, что рост материального производства опередил здравый смысл и поставил человечество перед выбором: либо гибель от хронического недоедания бедных и смерть от переедания и роскоши богатых, либо полный отказ от товарно-денежной гонки и переход к спокойной, размеренной, всесторонней и гармоничной деятельности человека в условиях “постэкономического” общества. Похоже, что этой дилеммы В.В.Василькова не видит или не признает. А между тем переход человечества к созерцанию звездного неба, к своеобразному “отдыху” после производственной гонки (точнее говоря, к доминанте рефлектирующего мироотношения) означает в будущем не “ускорение” исторического процесса, не сокращение продолжительности “жизни явления”, а замедление этого процесса, увеличение продолжительности социальной жизни. Такова логика исторической волнообразности: прогресс с перерывами и отдыхами, позволяющими природе “привести себя в порядок”, — во имя всего живущего на земле.

Если на смену капитализму с его ускоренным бегом придет спокойное и сосредоточенное на решении духовных проблем “постэкономическое” общество, если произойдет все это в пору всеобщей материальной обеспеченности, в пору высокого уровня и достойного качества жизни людей, то не воцарятся ли на земле вследствие этого застой и скука? Уверен, придут те времена, когда у каждого будет полная тарелка супа, крыша над головой, окружение из шикарных вещей, но разве при всем при этом исчезнут несчастная любовь, трагедия “романтического треугольника” (он, она, соперник), межличностные конфликты, слезы от потери близких людей, зависть красивым и сильным, случайные увечья и многие другие общечеловеческие беды и несчастья. Только в утопических представлениях так называемое счастливое будущее видится в розовых красках. Действительное же наше бытие никогда не избавится от несчастий. Страдания останутся, а с ними — и их преодоление. Страдание — это противовес инертному, покоящемуся и неподвижному состоянию. Поскольку — и это очень важно понять — источником человеческих страданий как нарушенного равновесия в “постэкономическом” обществе станут главным образом причины не сугубо *внешнего* (социально-экономического или социально-политического) характера, а причины *внутреннего* (личностного, intersубъектного, морально-этического, пси-

хологического) плана, то определяющую регулятивную роль в обществе призвана будет выполнять духовность и, прежде всего, искусство с его идейно направленным *катарсисом* — этим рефлексивным слепком с противоречий человеческой действительности. Интуиция художника натолкнула современного украинского поэта Николая Сома на строку философских раздумий в его стихотворении “Література”:

*Якщо життя — це боротьба,
То що таке література?*

Приоритет рефлексивной деятельности, разумеется, не вытеснит материально-преобразующего мироотношения за пределы человеческого общества. Оно останется как естественная необходимость, изменив свои формы, направленность и мотивы. Вряд ли человечество будущего сумеет всем скопом переселиться на иные, необжитые планеты (да и будет ли в этом нужда?). Но это уже из области научной фантастики. Скорее всего, если следовать логике волнообразности, в новейшей технологизированной экономике общества возобладают воспроизводственные процессы, а внимание человечества к творчеству на долгие времена будет обращено в сторону духовно-рефлектирующего мироотношения. Конечно, все сказанное в этой статье остается на уровне научной гипотезы. Но автор на большее и не претендует.

Литература

- Акутагава Р.* Новеллы. — М., 1974.
Бауман З. Индивидуализированное общество. — М., 2005.
Василькова В.В. Порядок и Хаос в развитии социальных систем. — СПб., 1999.
Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа // Сочинения. — М., 1959. — Т. 4.
Грач Л. Еще не вечер. — К., 2007.
Диалектика превращения труда в первую жизненную потребность. — К., 1987.
Ленин В.И. Развитие капитализма в России // ПСС. — М., 1971. — Т. 3.
Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. — М., 1974. — Т. 42.
Мюллер-Лиер Ф.К. Социология страданий. — М., 2007.
Сент-Экзюпери А. де. Планета людей. — М., 1970.
Сэв Л. Марксизм и теория личности. — М., 1972.
Швейцер А. Культура и этика. — М., 1973.